

Н. Н. Глубоковский: труды на чужбине (1921–1937)

В ряду подвижников богословской науки, стяжавших своими трудами славу и честь русской духовной школе, особое место занимает церковный историк и экзегет Нового Завета Николай Никанорович Глубоковский, выпускник и доктор богословия Московской духовной академии, заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, один из основателей Богословского факультета Софийского университета.

Мифология русской науки сохранила до наших дней повествование о том, как крупнейший представитель немецкой протестантской академической школы «берлинский профессор» Адольф Гарнак (1851–1930)¹ взялся за изучение русского языка ради того, чтобы иметь возможность прочесть исследование о блаженном Феодорите Киррском, принадлежащее перу Н. Н. Глубоковского. На самом деле это всего лишь легенда, а добровольный подвиг изучения русской словесности подъял на свои рамена под впечатлением от исторической рецензии Гарнака на упомянутое исследование, сделавшее честь русской патрологической и церковно-исторической школе, оксфордский проф. Артур Кейли Хедлам (1862–1947)², известный в свое время протестантский богослов, один из родоначальников и инициаторов экуменического диалога между англиканской и православной церквями, в последствии епископ Глустерский (1923–1945)³.

Отметим с прискорбием, что современный немецкий исследователь и знаток православной богословской традиции профессор К.-Х. Фельми в своей замечательной книге «Die orthodoxe Theologie der Gegenwart: eine Einführung», упоминая исследование о Феодорите Киррском в связи с легендой о Гарнаке, чести поминовения имени автора этого исследования не удостоивает, указывая – с ссылкой на протоиерея Александра Шмемана – на владение немецкого ученого «русским языком с юных лет, которые он провел в Дерпте (Тарту)»⁴. Однако интерес западной богословской и церковно-исторической науки, проявленный столь рельефно в отноше-

нии первой большой работы Н. Н. Глубоковского⁵, заставляет обратить особое внимание на это имя.

Русская богословская традиция оформилась академически довольно поздно. Лишь реформы духовной школы в России в XIX веке послужили основанием для развития тех направлений церковной науки, в которых русские ученые впоследствии снизили славу *пред лицом* мирового ученого сообщества. К числу таких наиболее разработанных направлений можно смело отнести, например, успехи русской литургической школы, основателем которой стал проф. Н. Ф. Красносельцев (1845–1898)⁶, а основным столпом был и до сих пор остается проф. А. А. Дмитриевский (1856–1929). В наши дни по прошествии более 70-ти лет со дня кончины последнего невозможно представить себе исследования, связанного с изучением греческих и славянских богослужебных памятников, без многочисленных ссылок на работы Русского Гоара⁷.

Но если успехи русских ученых в изучении памятников, связанных в первую очередь с православной богослужебной традицией, представляются более чем закономерными, то признание за исследованиями их соотечественников первенства и мировой славы в таких направлениях церковной науки как история Древней Церкви или патристика относилось к явлениям чрезвычайным. Самозамкнутость, декларировавшаяся иногда как самостоятельность, русской церковно-академической науки во многом определялась самим наименованием православия в Российской Империи Греко-восточной Церковью. К европейским богословским школам, в первую очередь протестантским и в меньшей степени католическим, в лице их лучших представителей русские ученые относились с великим почтением. Следует заметить, что и в греческой православной традиции такое отношение к западной христианской науке – и не только исторической, но и богословской – было нормой. При наличии сильных богословских школ в самой Греции с традиционными их центрами в Афинах и Фессалониках, двое из патриархов, занимав-

¹ См. статью Н. Н. Глубоковского о нем в *Православной богословской энциклопедии*. – СПб, 1903. – Т. 4. – Стб. 109–124.

² Первое печатное указание на этот факт находим на страницах опубликованного Русской академической группой в Болгарии сборника *35-летие ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского* (София: Типография газеты «Русь», 1925) в тексте речи протопресвитера Георгия Шавельского (С. 11).

³ См. статью о нем: *Dictionary of National Biography*. 1941–1950. – London, 1959. – P. 369–371.

⁴ *Felmy, K.-Ch. Die orthodoxe Theologie der Gegenwart: eine Einführung*. – Darmstadt: Wiss. Buchges., 1990. – S. 9. Цитируем по русскому переводу: *Фельми, К.-Хр. Введение в современное православное богословие*. – М.: Отдел религиозного образования и катехизации Московского Патриархата, 1999. – С. 16.

⁵ Труд, за который Н. Н. Глубоковский был увенчан степенью магистра Московской духовной академии – *Блаженный Феодорит, епископ Киррский: Его жизнь и литературная деятельность*. / *Церковно-историческое исследование Н. Глубоковского*. – М.: Университетская типография, 1890. – Т. 1. – 4, IV, 349, III с.; Т. 2. – 4, IV, 510, IV с. Дополнением к исследованию явилось издание: *Творения блаженного Феодорита в русском переводе профессора СПб. духовной академии Николая Глубоковского. Письма 1–150*. – Сергиев Посад, 1907. – 233 с.; *Письма 151–268 и введение*. – Сергиев Посад, 1908. – XVI, 233–521 с.

⁶ Интересной в связи с упоминанием о русской литургической школе представляется неопубликованная статья проф. А. И. Алмазова *Красносельцев Н. Ф.*, написанная им для *Православной богословской энциклопедии*, хранящаяся в РГИА (Ф. 834. Оп. 4. Ед. хр. 462. Л. 145–146), с редакционной правкой Н. Н. Глубоковского.

⁷ Такое «сравнительное» наречение А. А. Дмитриевскому, связанное с именем ученого доминиканца Иакова Гоара (1601–1653), издателя *Вехологиона* (Париж, 1647), положившего начало научному изучению литургических источников восточной христианской традиции, дал Н. Н. Глубоковский в своей речи на торжествах, посвященных 1600-летию Никейского Собора, 8 июля 1925 г. – См.: *Путь*. – 1926. – № 4. – С. 143.

ших Константинопольскую кафедру в XIX веке, завершили свое образование на богословских факультетах Германии⁸.

Со всем смирением, свойственным большинству церковных исследователей, осознавалось, что достичь высот в археологии христианских памятников, текстологии святоотеческого наследия и многих других направлениях церковной науки русскому исследователю трудно, если не невозможно.

Проявление интереса к русской богословской науке со стороны западных ученых в XIX – начале XX веков можно назвать весьма умеренным. Исключения связаны лишь со столь великими светилами на небосводе церковной истории как проф. В. В. Болотов (1854–1900). Свидетельства такого интереса в силу своей малочисленности представляются особо ценными.

Уместно заметить, что В. В. Болотов, изначально с определенной настороженностью отнесшийся к появлению исследования Н. Н. Глубоковского о блаженном Феодорите, дал отзыв, суть которого сводилась к довольно парадоксальному в своей противоречивости заключению – указанию на безупречность методологии самого исследователя и одновременно на несогласие с основными выводами исследования⁹.

Сближение русского православия с западно-христианской традицией в конце XIX – начале XX веков связано с активизацией межконфессионального диалога и зарождением экуменического движения. Особо перспективными представлялись тогда отношения с Англиканской Церковью.

Следует отметить, что богословский диалог Русской Православной Церкви и Англиканской Церкви, представлявшийся весьма перспективным в плане конфессионального сближения¹⁰, позднее оказался востребованным в «мирской сфере». В разгар Второй мировой войны, когда решался вопрос об открытии 2-го фронта, в качестве инспектора религиозных свобод в Советском Союзе, в Москве оказался архиепископ Йоркский Сирил Фостер Гарбетт (1875–1955), второе лицо в Англиканской церкви после архиепископа Кентерберийского, если не считать Королевы Великой Британии. С точки зрения мирового сообщества никто так хорошо как представители Англиканской Церкви не могли судить о состоянии религиозных свобод в России, проявлявшихся в частности в жизни православия. Союзнический 2-й фронт был открыт, и это можно отнести на счет добрых результатов того интереса Англиканской Церкви к русскому православию, который был пробужден еще на грани XIX и XX веков¹¹.

Несомненно, требовалось свидетельство перед христианами запада о смысле

и сути православия, суждение о котором сводилось подчас к восприятию его в качестве национальной религии греков и славян, дополненных малочисленной румыно-грузинской группой. Первой ласточкой свидетельства перемен стала статья автора, уже известного за пределами России исследования о блаженном Феодорите, «Православие по его существу», опубликованная в 1913 г. на английском языке в Нью-Йорке¹², а затем в следующем году вышедшая по-русски в Санкт-Петербурге¹³. До сих пор текст статьи не утратил своего символического значения, что подтверждают его многочисленные переиздания. В начале же XX века эта статья заставила многих обратить на нее внимание только по причине известности автора в академических кругах.

Ко времени установления нового государственного строя в России после октябрьского переворота 1917 г. Н. Н. Глубоковский, состоявший членом-корреспондентом Императорской Академии наук, занимал профессорское место в Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре Священного Писания Нового Завета¹⁴, был автором более двухсот различных по тематике статей в церковных и светских периодических изданиях¹⁵ и нескольких уже упомянутых выше отдельно изданных работ, список которых следует дополнить фундаментальной монографией, посвященной российскому иерарху XIX века архиепископу Рязанскому Смарагду (Крыжановскому)¹⁶. Еще до смерти проф. А. П. Лопухина (1852–1904), инициатора и первого редактора «Православной богословской энциклопедии», задуманной как приложение к популярному журналу «Странник», а затем развившейся в серьезный научный проект так, к сожалению, и не заверченный, Н. Н. Глубоковский был одним из самых плодотворных ее авторов. В 1904 г. он принимает предложение наследников А. П. Лопухина и возглавляет в качестве редактора это справочное издание, объединившее его стараниями в составе авторского коллектива лучших представителей русской богословской и гуманитарной науки. Важной представляется характеристика, данная Н. Н. Глубоковскому как специалисту по Новому Завету известным немецким патрологом проф. Натаниелем Бонвечем: «Превыше всех среди русских экзегетов настоящего времени стоит проф. Н. Н. Глубоковский. Его главный труд в этой области «Благовестие св. ап. Павла». Западная литература привлечена в наибольшем объеме и получила должное применение»¹⁷. И. А. Лаговский (1889–1941)¹⁸, автор некролога Н. Н. Глубоковского, опубликованного на страницах «Вестника РХД», писал: «До революции Н. Н. Глубоковский был редактором одного из ценнейших церковно-научных изданий – «Православ-

⁸ См.: *История христианской Церкви в XIX веке. Т. 2: Православный Восток.* – Пг.: Бесплатное приложение к журналу «Странник», 1901. – С. 83–84.

⁹ См.: *Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский и В. В. Болотов. К истории взаимоотношений авторов «Феодорита» и «Theodoritian» // История Древней Церкви в научных традициях XX века. Материалы церковно-научной конференции, посвященной 100-летию со дня кончины... Болотова.* – СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2000. – С. 45.

¹⁰ В одной из своих статей уже эмигрантского периода Н. Н. Глубоковский писал, ссылаясь на весьма распространенное в России семинарское пособие по Истории Церкви: «А в православной России уже давно внушается, даже в наших семинарских учебниках, что... желание единения между Англиканской и Православной Церковью в недалеком будущем завершится полным успехом» – См.: *Путь.* – 1926. – № 4. – С. 142.

¹¹ Следует отметить брошюру уже упомянутого нами Артура Хедлама, увидевшую свет в то время и предназначенную для широких читательских кругов: *Headlam, Arthur C. The Teaching of the Russian Church.* – London: Rivingtons, 1897.

¹² *Orthodoxy in its Essence // The Constructive Quarterly.* – 1913. – № 2.

¹³ *Православие по его существу // Христианское чтение.* – 1914. – № 1. – С. 3–22.

¹⁴ С 11 октября 1894 г. – экстраординарный, а по утверждению в звании доктора богословия за исследование *Благовестие св. апостола Павла по его происхождению и существу* (СПб., 1905. – Т. 1. – LXX, 888 с.; 1910. – Т. 2. – 1907 с.; 1912. – Т. 3. – 80 с.) с 28 января 1898 г. – ординарный, а со 2 ноября 1916 г. – заслуженный профессор.

¹⁵ Лишь часть из них отмечена в наиболее полной из опубликованных до настоящего времени библиографии ученого. – См.: *Игнатъев А. Н. Памяти Н. Н. Глубоковского // Журнал Московской Патриархии.* – 1966. – № 8. – С. 57–77 («Список трудов»: с. 73–77). Архивные материалы содержат многие элементы автобиографии Н. Н. Глубоковского – см., например, список статей, помещенных в *Московских ведомостях* (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 1).

¹⁶ *Н. Н. Глубоковский. Высокочрестьянский Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский († 1863): его жизнь и деятельность. С 7 портретами и 3 автографами.* – СПб., 1914. – 559 с.

¹⁷ *Realencyklopädie für protestantische Theologie und Kirche.* – Leipzig, 1913. – Bd. 24. Sp. 439.

¹⁸ См. о нем: *Даниленко Борис, прот. Зерна единого хлеба; Указатель статей и публикаций журнала «Путь» (Париж, 1925–1940).* – М.: *Business Forms Company*, 1998. – С. 10–11.

ной богословской энциклопедии». Она осталась незавершенной. Но пока был жив Н. Н. Глубоковский, как бы еще жила и возможность окончания ее, потому что он сам был живой православной богословской энциклопедией¹⁹. Авторитет ученого в вопросах, связанных с историей церкви и ее каноническим строем, заставлял многих как светских²⁰, так и духовных лиц обращаться к нему за советом по самым сложным вопросам. Обширнейшая переписка Н. Н. Глубоковского дореволюционного периода, включающая копии многих его писем, отосланных адресатам, представлена в его именном фонде, хранящемся в «Доме Плеханова», филиале Отдела рукописей Российской национальной библиотеки²¹. Весь объем эпистолярного наследия Н. Н. Глубоковского дореволюционного периода представляет научную ценность в силу непреходящей актуальности затронутых в нем вопросов как богословского и церковно-исторического, так и общегуманитарного характера²².

В 1908 г. умирает учитель Н. Н. Глубоковского проф. Московской духовной академии и Московского Императорского университета А. П. Лебедев (1845–1908). Самые лучшие отношения связывали их. Н. Н. Глубоковский всегда указывал на покойного как на столпа церковно-исторической науки. Но был один пронзительный звук, вносивший определенный диссонанс в гармоничные отношения учителя и ученика... Дело в том, что супруга Алексея Петровича Анастасия Васильевна (1859–1944) в девичестве Нечаева²³, заронила в душу когда-то совсем юного студента, а затем магистранта своего ученого мужа, искру пламенного чувства. После 1908 г. они были почти неразлучны, за исключением кратких поездок на лечение и научных командировок. Их союз не был венчан церковным чином, и был зарегистрирован гражданскими инстанциями Советской России лишь 27 ноября 1921 г. для упрощения хлопот, связанных с совместным отъездом за границу. Можно ли назвать этот брак счастливым по человеческим меркам? Наверяд ли. Анастасия Васильевна, страдавшая нервными расстройствами, которые при обострениях переходили в серьезный психический недуг, обладала по свидетельству знавших чету Глубоковских²⁴ еще и тяжелым характером. Николай Никанорович нес свой крест с христианским смирением, осознавая свою ответственность за дорогую супругу, жизнь без которой считал невозможной.

Сразу после установления новой власти в России перед Н. Н. Глубоковским встал вопрос: «Оставаться или уезжать?»

Неожиданно для Н. Н. Глубоковского 6 марта 1918 г. им было получено пригла-

шение примаса Лютеранской Церкви Швеции архиепископа Упсальского Натана Сёдерблума²⁵ прочесть курс лекций в университете, где последний возглавлял кафедру теологии. Целый ряд опасений заставлял Н. Н. Глубоковского сомневаться в возможности воспользоваться этим приглашением. Сохранился черновой вариант ответа Н. Н. Глубоковского архиепископу, датированный 23 марта 1918 г. Приведем выдержки из него:

«...Я имел честь получить от Вас депешу и два пакета с 3 письмами и документами и, прежде всего, свидетельствую мою признательность за оказанное мне высокое внимание... Если все переносится на сентябрь, то теперь мы – русские – решительно не можем предвидеть, что с нами будет к тому времени, – и не в нашей силе изменить это трагическое положение... Положение моей родины столь несчастное, состояние Русской Церкви и ее учреждений (в том числе и Духовной академии) столь тягостное, и личное настроение столь угнетенное, что крайне трудно, почти невозможно ни морально, ни физически, заниматься с успехом направленным умственным трудом... Я не владею иностранными языками и могу говорить и писать только по-русски. Это весьма затруднило бы мое участие на конференции, а лекции делает и прямо невозможными, потому что читать их на неведомом для слушателей русском языке было бы и неудобно и противно заповеди апостольской (1 Кор. 14). Если же перевести их на шведский язык, то по справкам и попыткам моим выяснилось, что я, во всяком случае, не могу выучить в ближайшие месяцы шведское произношение, чтобы мне читать без оскорбления слуха достойной шведской аудитории... По всем этим непреодолимым обстоятельствам я усердно прошу Ваше Высокопреосвященство извинить меня, что по немощам моим я не в силах исполнить Ваш столь благосклонный и лестный призыв, хотя желал бы это сделать по совести от самого искреннего сердца»²⁶.

Командировка в Швецию все же состоялась с августа по декабрь 1918 г. Н. Н. Глубоковский прочел курс лекций о соединении церквей в Упсальском университете²⁷, а в университетской библиотеке Carolina Rediviva подготовил описание славянских и русских рукописных и старопечатных книг. Расходы по пребыванию Н. Н. Глубоковского в Швеции взял на себя фонд «Olaus Petri Stiftelsen».

По возвращении из Швеции в конце 1918 г. Н. Н. Глубоковский уже осознавал свою несовместимость с установившимся в России государственным строем. Его избрание профессором Петроградского университета и Богословского института, в который с надеждой на сохранение при новом режиме была преобразована преж-

¹⁹ Лаговский И. А. Заслуженный профессор д-р богословия Н. Н. Глубоковский // Вестник русского христианского движения. – 1937. – № 3–4. – С. 20.

²⁰ В этом смысле особо интересными представляются письма Н. Н. Глубоковского В. В. Розанову, датированные 1902–1916 годами. Часть из них хранится в ОР РНБ (Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 278), другая (80 писем) – в ОР РГБ (Ф. 249).

²¹ Архив Н. Н. Глубоковского (ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1–2), обработан около 1983 г. Т. А. Аркушенко и М. Д. Склярской. Машинописная опись фонда, датированная 1985 г., содержит 2473 ед. хр., относящихся ко времени с 1809 по 1953 годы.

²² Подробный очерк до-эмиграционного периода жизни Н. Н. Глубоковского со ссылками на относящиеся к нему архивные материалы, в том числе и переписку, см.: Богданова Т. А. Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого (по архивным материалам) // Мир русской византистики: Материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И. П. Медведева. – СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2004. – С. 119–171.

²³ Дочь московского протоиерея Василия Петровича Нечаева, впоследствии епископа Костромского и Галицкого Виссариона (1822–1905), известного богослова и церковного публициста, основателя и редактора журнала *Духовное чтение*.

²⁴ По устному свидетельству проф. Н. М. Дылевского (1904–2001), выходящего из России, с юных лет жившего в Болгарии и знавшего чету Глубоковских, Анастасия Васильевна страдала психическим недугом, проявления которого были источником скорбей и уныния для супруга.

²⁵ Söderblom, Lars Olof Jonathan (Nathan) (1866–1931) – архиепископ Упсальский. Один из родоначальников экуменического движения. Организатор Международной христианской конференции в 1925 г., положившей основу для создания в 1948 г. Всемирного совета церквей. Лауреат Нобелевской премии Мира 1930 г. См. о нем статью С.-М. Edsman'a в: *Lexikon für Theologie und Kirche*. – Freiburg: Verlag Herder, 1964. – Bd. 9. – Sp. 843–845.

²⁶ ОР РНБ. Ф. 192. Ед. хр. 285. Л. 1.

²⁷ В 1921 г. лекции были изданы по-шведски, а затем – в 1924 г. по-болгарски. См.: «Библиография прижизненных публикаций Н. Н. Глубоковского, относящихся к периоду его эмиграции (1921–1937)» в конце настоящего издания.

няя Санкт-Петербургская духовная академия, не внушало веры в возможность вернуться к полноценной научно-педагогической работе в России. 25 декабря 1918 г. в своем письме к академику Н. Я. Марру он писал: «Должен однако прибавить, что если бы достались мне все блага мира, и утвердился теперешний безбожный насильнически-социалистический строй, — для меня невозможно будет жить при нем, и я обязательно уйду умирать в другое место. Такова для меня моральная необходимость»²⁸. Беды и целый ряд нравственных унижений, которым в то время подвергся ученый²⁹, могли быть преодолены внутренними усилиями, но самым большим несчастьем представлялась невозможность вести научные и педагогические занятия. 14 марта 1920 г. он пишет академику А. А. Шахматову: «Жестокий опыт привел меня к неотразимому убеждению, что ныне можно работать научно лишь за границей»³⁰.

О том, как удалось организовать этот отъезд, Н. Н. Глубоковский подробно рассказал в своих автобиографических записках³¹.

В фонде Н. Н. Глубоковского хранится маленький по размеру документ — рекомендация, данная ему митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином (Казанским, 1874–1922) для оказания содействия в делах, — автограф священномученика на обороте его визитной карточки, датированный 28 августа 1921 г.³² 29 августа Н. Н. Глубоковский с супругой навсегда покинули большевицкую Россию, а через год, в ночь с 12 на 13 августа 1922 г., митрополит Вениамин вместе со своими союзниками был расстрелян по приговору первого показательного суда против православного духовенства, устроенного большевиками после прихода к власти. Примечательно, что этот отъезд в эмиграцию состоялся ровно за год до отплытия печально известного «философского парохода»³³.

Перед отъездом Н. Н. Глубоковский часть рукописных материалов, принадлежавших ему, передал К. Я. Здравомыслову (1863–1933)³⁴, занимавшему до революции должность начальника Архива Св. Синода, преобразованного в 1918 г. во 2-е отделение IV Секции Петроградского отделения Цетрального управления архивным делом³⁵. Однако с некоторой частью своей библиотеки и архива Н. Н. Глубоковский не мог расстаться, и, вместе с разрешением на выезд из Советской России, смог выхлопотать и право на вывоз ее. Им было получено соответствующее удостоверение Комиссии Наркомпроса по улучшению быта ученых от 10 августа 1921 г., «в том, что он... имеет выехать за границу... по командировке... для обозрения, обследования и описания славяно-русских материалов (рукописных и старопечатных) и вы-

нужден для исполнения этого поручения взять с собою необходимое количество книг и своих рукописей, почему вес вывозимого груза достигает шестнадцати пудов»³⁶.

За 2 года до смерти Н. Н. Глубоковский писал в предисловии к одной из своих дореволюционных работ: «Пока я вынужденно оставался в России, — приходилось думать только о простом физическом существовании, которое... стало сомнительным даже на несколько дней вперед...; а когда в понедельник 16 (29) августа 1921 г. мне удалось из Петрограда перебраться в Финляндию, — я оказался беспомощным скитальцем по неприветливому заграничному морю с больной спутницей моей на самой утлой ладье, посвящая все свои стареющие силы этому тревожному плаванью и не имея ни малейшей возможности хотя бы заглянуть в специальную научную литературу»³⁷.

Оказавшись в «финском карантине», Глубоковские не ощутили на себе забот архиепископа Финляндского и Выборгского Серафима (Лукьянова, 1879–1959), хотя, по всей видимости, надеялись на это³⁸. Начались поиски преподавательского места для Н. Н. Глубоковского, увенчавшиеся успехом лишь через 2 года. В начале 1922 г. через Берлин удается перебраться в Прагу, где Н. Н. Глубоковский, избранный членом Коллегии по обеспечению образования русских студентов в Чехословакии, получает известие об избрании его профессором Белградского университета. Уже в мае он оказывается в Сербии. Об этом своем маршруте Н. Н. Глубоковский пишет в декабре 1922 г. проф. А. А. Дмитриевскому в Астрахань, где тот перед возвращением в Петроград пытался создать себе условия для академической деятельности³⁹. В мае 1923 г. Глубоковские покидают Сербию. В связи с созданием Богословского факультета Софийский университет предлагает Н. Н. Глубоковскому занять место ординарного профессора. Это предложение обусловлено европейской известностью ученого и особой любовью к нему со стороны болгарских иерархов, многие из которых обучались в духовных академиях дореволюционной России и с честью несли наименование «русских воспитанников». С нового 1923–1924 учебного года и до своей кончины Н. Н. Глубоковский возглавляет на Богословском факультете кафедры Священного Писания Нового Завета и Греческого новозаветного языка.

На протяжении всего своего пребывания в Болгарии Н. Н. Глубоковский состоял в переписке с митрополитом Варненским и Преславским Симеоном (Попниковым, 1840–1937)⁴⁰. В первом письме, адресованном митрополиту, Н. Н. Глубоковский писал: «Я вместе с женой толь-

²⁸ Цитируется по: Богданова Т. А. *Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого*. — С. 169.

²⁹ В 1919 г. на Урале большевики убивают брата Н. Н. Глубоковского — Александра. Ученый уверен, что это — месть за публикацию его очерка *По вопросу о праве евреев именоваться христианскими именами: Трактат и историческая справка* (СПб, 1911. — 121 с.).

³⁰ Цитируется по: Богданова Т. А. *Н. Н. Глубоковский: путь церковного ученого*. — С. 169.

³¹ См. первую публикацию части этих автобиографических записок: Н. Н. Глубоковский. *Из неопубликованного архива: автобиографические воспоминания // Церковь и время*. — 2003. — № 2 (23). — С. 158. 175–178.

³² ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 24.

³³ См.: Даниленко Борис, *прот. Зерна единого хлеба*. — С. 3–4.

³⁴ См. о нем: *Пятидесятилетие высочайше утвержденной Комиссии по разбору и описанию материалов Св. Синода, 1865–1915*. — Пг, 1915. — С. 273–277.

³⁵ РГА. Архив архива. Оп. 1. № 287, 288.

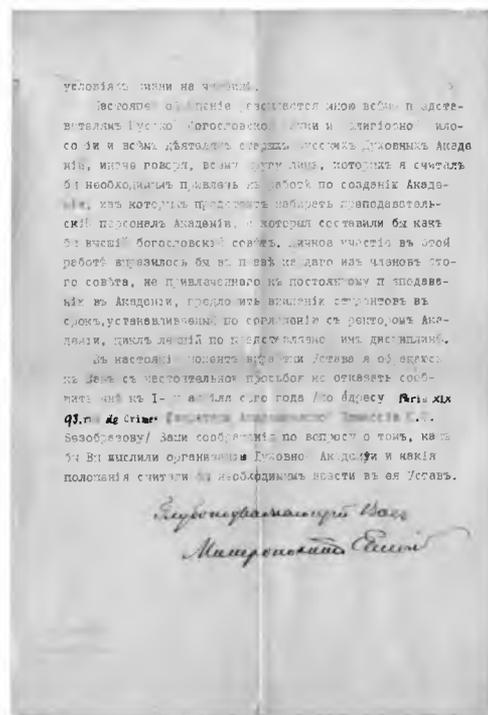
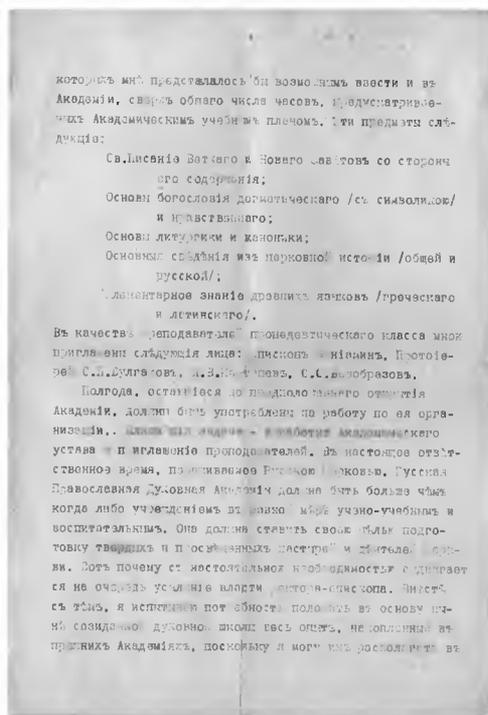
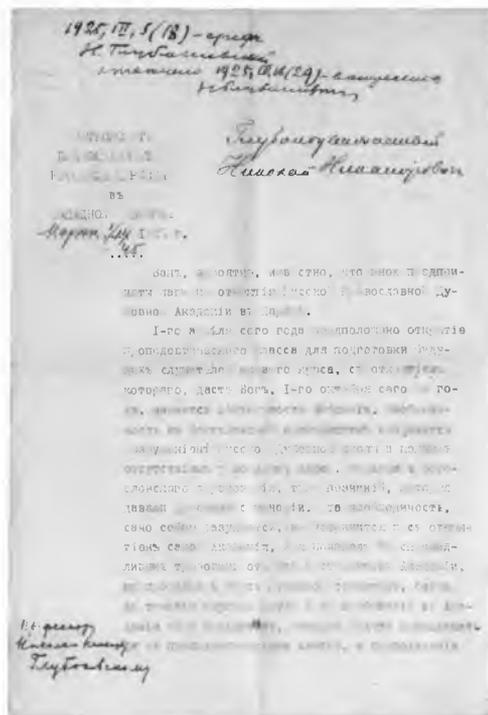
³⁶ *Петр (Еремеев), иеромонах. Софийский архив Н. Н. Глубоковского // Церковь и время*. — 2003. — № 2 (23). — С. 155.

³⁷ *Глубоковский Н. Н. Дидаскалия и Апостольские Постановления по их происхождению, взаимоотношению и значению*. — София, 1935. — С. 3.

³⁸ См. письмо от 9 июня 1921 г. епископа Верейского (впоследствии архиепископа) Илариона (Троицкого, 1866–1929) Н. Н. Глубоковскому: *Сосуд избранный: История российских духовных школ в ранее не публиковавшихся трудах, письмах деятелей Русской Православной Церкви, а также в секретных документах руководителей Советского государства, 1888–1932 / Сост., автор пред. послесловия и комментариев Марина Склярва*. — СПб, 1994. — С. 303.

³⁹ ОР РНБ. Ф. 253. Ед. хр. 409. Л. 5.

⁴⁰ В Национальном архиве Болгарской Академии наук (Ф. 144 К. Оп. 1. № 312) хранится переписка митрополита Симеона (Попниколова) с Н. Н. Глубоковским, относящаяся к периоду с 1923 по 1936 г.

ко что приехал в Софию и спешу принести благодарность Вам за Ваше доброе участие. К сожалению, мы оба чувствуем себя совершенно больными. Немоги наши смущают нас, но утешает внимание болгарских иерархов. Позвольте надеяться на Ваше милостивое расположение и просить Ваших святых молитв о рабах Божиих Анастасии и Николае»⁴¹. Именно это расположение и молитвы, по всей видимости, и помогли Н. Н. Глубоковскому на чужбине найти силы для систематической научной и преподавательской работы. Превозмогая скорби, многие из которых были связаны с немощами телесными, Н. Н. Глубоковский смог взрастить плеяду болгарских учеников, любовно называвших его «дедушкой», привить им любовь к церковной науке.

Вскоре после переселения Н. Н. Глубоковского в Софию, 14 июня 1925 г. Русской академической группой в Болгарии было устроено его чествование. С очевидностью можно сказать, что 35-летие научной деятельности Н. Н. Глубоковского, названное юбилеем, было инициировано множеством друзей и почитателей ученого. Пальма первенства, несомненно, принадлежала протопресвитеру Георгию Шавельскому (1871–1951) и проф. М. Г. Попруженко (1866–1944), которых поддержал «русский воспитанник» ректор Софийского университета Св. Климента академик В. Н. Златарский (1866–1935).

Через 5 лет в 1930 г. Совет Православного богословского института в Париже посвятил 2-й выпуск сборника «Православная мысль» 40-летию ученой деятельности Н. Н. Глубоковского. Во вступлении к сборнику юбиляру желалось «сохранить полноту своих сил до желанного дня возвращения в освобожденное отечество,

чтобы там опять со славою и честью послужить родной церкви и русской науке»⁴². Такое почитание Н. Н. Глубоковского не было случайным. Многие русские богословы и религиозные деятели лишь в зарубежье по-настоящему сблизились с Николаем Никаноровичем, оказавшимся в числе тех, к кому митрополит Евлогий (Георгиевский) обратился с просьбой содействовать в деле создания высшей православной русской школы во Франции.

Отношения Н. Н. Глубоковского с давно знакомыми ему российскими коллегами в эмиграции складывались по-разному.

Без особой симпатии относился он к А. В. Карташеву (1875–1960), бывшему доценту Петроградской духовной академии, ставшему в июле 1917 г. обер-прокурором Св. Синода, а затем – в августе – возглавившему Министерство исповеданий, учрежденное Временным правительством. В письме к академику А. И. Соболевскому (1856–1929) Н. Н. Глубоковский писал: «А вот теперь товарищем об.-пр. Св. Синода... назначается А. В. Карташев, Вам, достаточно известный своими отрицательными сторонами, кроме которых – других у него нет»⁴³. В период эмиграции, когда Антон Владимирович был уже профессором Свято-Сергиевского института в Париже, между двумя учеными, объединенными трудами по насаждению традиций русской церковно-академической науки на чужбине, установились самые добрые отношения. В письме от 15 сентября 1928 г. А. В. Карташев делился с Н. Н. Глубоковским как с близким и единомысленным собеседником: «Катастрофа и разлука с родиной всех нас пристарила. Недавнее прошлое стало далеким прошлым и милым прошлым»⁴⁴.

Среди дореволюционных друзей Н. Н. Глубоковского был проф. Киевской ду-

Письмо митрополита Евлогия (Георгиевского) от 14 марта 1925 г. о предполагавшемся открытии Духовной Академии в Париже. Л. 1-2 об. Машинопись, автограф митрополита Евлогия, автограф Н. Н. Глубоковского (дата получения).

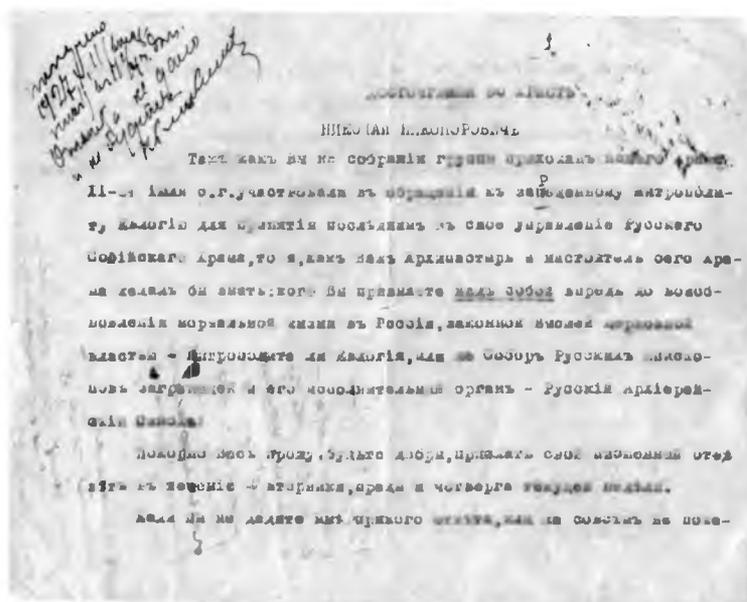
В настоящей статье в качестве иллюстраций использованы документы и фотоматериалы из Софийского архива Н. Н. Глубоковского.

⁴¹ Письмо Н. Н. Глубоковского от 17 июля 1923 г. – НА БАН. Ф. 144 К. Оп. 1. № 312. Л. 1–2.

⁴² *Православная мысль: Труды Православного богословского института в Париже. Вып. 2. – Париж, 1930. – С. 9.*

⁴³ РГАЛИ. Ф. 449. № 129. Л. 16.

⁴⁴ См.: письмо А. В. Карташева Н. Н. Глубоковскому от 15 сентября 1928 г. в составе Софийского архива.

Машинопись на листе «патентованной» бумаги, автограф епископа Серафима от 10 октября 1927 г.

ховной академии, а впоследствии Киевского университета М. Э. Поснов (1873–1931). До революции в России с ним у Н. Н. Глубоковским были самые добрые отношения, о чем свидетельствуют переписка, завязавшаяся в связи с сотрудничеством в «Православной богословской энциклопедии»⁴⁵. Но когда Н. Н. Глубоковский письменно обратился к своему собрату по академическому служению, жившему в Болгарии с 1919 г., с просьбой о помощи найти для себя там место, тот, опасаясь оказаться в тени своего коллеги, ответил весьма пространным письмом о невозможности осуществления такого плана⁴⁶. Однако, в 1923 г. Н. Н. Глубоковский получает профессорское место в Софии на новооткрытом Богословском факультете и... оказывается соседом М. Э. Поснова по лестничной площадке. Профессорские квартиры размещались на верхнем этаже над Богословским факультетом университета Святого Климента Охридского на площади Святой Недели (№ 19). Вскоре между ними прерывается всякое общение. Когда почтальон приносит корреспонденцию одному из них и, не застав его дома, обращается к соседу, то последний отказывается передать что-либо своему бывшему доброму знакомому⁴⁷.

В 1927 г. произошло печальное разделение русской православной общины в Софии⁴⁸. Епископ (впоследствии – архиепископ) Серафим (Соболев, 1881–1950), служивший в русском храме Святителя Николая, стал духовным лидером тех русских клириков и мирян, которые желали быть в каноническом общении с иерархами Русской Православной Церкви Заграницей, возглавляемой митрополитом Антонием (Храповицким, 1863–1936). Те, кому такое подчинение казалось не вполне каноничным, в первую очередь по причине непримиримости позиции по отношению к иерархии Русской Православной Церкви, совершавшей свое служение в «коммунистической России», сгруппиро-

вались вокруг протопресвитера Георгия Шавельского, служившего в софийском храме Святых Седмочисленников и поддерживавшего каноническое общение с митрополитом Евлогием (Георгиевским, 1868–1946), вышедшим после 1925 г. из подчинения митрополиту Антонию. Среди материалов Русского зарубежного исторического архива в Праге хранится подробный машинописный отчет, подготовленный для Синода Русской Православной Церкви Заграницей, о «собрании группы Софийских прихожан», состоявшемся 24 июля 1927 г.⁴⁹ В этом отчете говорится о роли, которая отводилась Н. Н. Глубоковскому в деле установления канонических отношений с митрополитом Евлогием, в связи с предполагавшейся поездкой профессора в Швейцарию для участия в Лозаннской конференции.

Сохранился документ, со всей определенностью свидетельствующий о нежелании Н. Н. Глубоковского иметь какие-либо дела со сторонниками митрополита Антония (Храповицкого), чьи интересы в Болгарии в то время представлял епископ Серафим (Соболев). Документ этот – «циркулярное» письмо последнего⁵⁰, адресованное Н. Н. Глубоковскому, с вопросом: «Кого Вы признаете над собой впредь до возобновления нормальной жизни в России законной Высшей церковной властью – митрополита ли Евлогия, или же Собор Русских Епископов за границей и его исполнительный орган – русский Архиерейский Синод?» и двумя резолюциями Н. Н. Глубоковского: «Получено 1927, X, 11 (вторник) в 17 с 1/4 ч. дня. Ответа не дано и не будет. Н. Глубоковский» и «1927, X, 14 (1) – пятница – в 7 ч. вечера приходил ко мне на квартиру человек и подавал мне письмо со словами: «Пакет от Владыки», но я его не взял и просил передать, что я никаких «пакетов от Владыки» не принимаю. Н. Глубоковский». Со всей определенностью высказывался в своих воспоминаниях Николай

⁴⁵ ОР РНБ. Ф. 194. Оп. 1. Ед. хр. 731.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Существует небольшая по объему брошюра *Суждения г. профессора Михаила Поснова о Болгарии и некоторых болгарских учреждениях и деятелях (по его письмам к профессору Н. Глубоковскому): Вынужденное издание профессора Н. Глубоковского (на правах рукописи)*. – София, 1926. Ее содержание объясняет многое в отношениях двух бывших друзей.

⁴⁸ Тогда в Софии и в непосредственной близости от нее проживало около 2 тысяч русских.

⁴⁹ ГАРФ. Р-6711. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 152–158.

⁵⁰ См.: *Петр (Еремеев), иеромонах. Софийский архив Н. Н. Глубоковского...* – С. 154.

Никанорович о тех, кто еще в дореволюционной России занимался делами далекими от созидания церковного, а на чужой стороне вовсе принялись «разорять церковное единство»⁵¹.

Известно, что Н. Н. Глубоковский поддерживал переписку с некоторыми учеными коллегами, жившими в Советской России. Хотя документальные свидетельства такой связи с середины 20-х годов почти отсутствуют, нам удалось обнаружить в фонде проф. Н. И. Кареева⁵² письмо Н. Н. Глубоковского, направленное ему из Софии 12 февраля 1930 г., с просьбой уточнить цитату и имя автора, которому она принадлежит по недоступному для корреспондента источнику.

В начале 30-х годов Русский заграничный исторический архив в Праге письменно обращался ко многим представителям культурной части русской диаспоры с просьбой о получении от них биографических сведений или воспоминаний о выдающихся личностях, с которыми первым довелось встретиться на жизненном пути. Такое письмо получил и Н. Н. Глубоковский. В своем ответе 16 января 1933 г. он писал: «...Я всегда был ближе к книгам, чем к людям – за исключением моих учеников, к которым всецело и неизменно относился с чувством, столь прекрасно и трогательно выраженным у св. Апостола Иоанна Богослова в 3-м его послании (ст. 4)⁵³. Будучи одинокий по натуре, я замыкался в своем рабочем кабинете и сосредотачивался на трудах педагогически-профессорского и научно-литературного служения... Естественно, что у меня не было близких связей с «великими людьми». За последнее время я мог бы причислить к таким покойного архиепископа Упсальского (в Швеции) Nathan'a Söderblom'a († 1931, VII, 12), который в наши смутные дни враждующих страстей был наилучшим выразителем творчески-объединяющего и внутренне примиряющего человечество христианского духа; в этом смысле будут напечатаны о нем (по-шведски) мои краткие воспоминания⁵⁴. Из прежних деятелей соприкосновенной области находил бы необходимым более объективно и совестливо осветить личности Антония (Вадковского), митрополита С.-Петербургского и Ладожского († 1912, XI, 2), и обер-прокурора К. П. Победоносцева († 1907, III, 10), ибо по моему мнению, первого напрасно объявили каким-то сомнительным «либералом», а второго совсем ложно провозгласили «тираном» и «мракобесом» – разница, даже противоположных взглядов не должна затемнять правду, без которой нельзя и... не стоит жить на свете, где все человеческое относительно»⁵⁵. Эти обещания Н. Н. Глубоковский смог выполнить. В большей мере митрополиту Анто-

нию и в меньшей – К. П. Победоносцеву отведено особое место в его воспоминаниях «С.-Петербургская духовная академия во времена студенчества там Патриарха Варнавы»⁵⁶.

Следует заметить, что Н. Н. Глубоковский, принимавший с середины 20-х годов минувшего века активное участие в работе многих православных и межконфессиональных конференций и встреч, был любим и знаем многими западными богословами. Архиепископ Упсальский Натан Сёдерблум несомненно занимал в числе таких друзей Николая Никаноровича особое и самое почетное место. Как замечал сам Н. Н. Глубоковский: «...Я настолько и так искренне превозношу его, что милый отец С. Н. Булгаков с добродушной шутливостью говорил мне в Лозанне, что сверх обычных православных догматов у меня есть новый – пиэтистического содербломизма»⁵⁷.

Перечень международных богословских форумов, в которых принял участие Н. Н. Глубоковский достаточно велик. Замечательной представляется характеристика, данная Николаем Арсеньевым в статье «Лозанская конференция», увидевшей свет на страницах журнала «Путь»: «Среди православных внушал невольное уважение своею мудростью, христианской терпимостью и религиозной глубиной, соединенной с огромной ученостью (но эта ученость почти не чувствовалась – так она была органична, так она сливалась с глубоким благочестием сердца) проф. Глубоковский»⁵⁸.

Многие публикации периода его изгнания посвящены вопросам христианского единства, изложению сущности православного учения, причем некоторые из них увидели свет в переводе на ряд европейских языков. Оказавшись за пределами России, Н. Н. Глубоковский продолжал работать как церковный историк и знаток русской церковно-академической традиции. События в жизни Православной Церкви и России также не оставляли безучастным перо ученого. Однако многообразие затронутых им в период эмиграции вопросов не вытеснило на периферию научных интересов главную тему его богословского творчества – изучение и истолкование наследия святого апостола Павла. Последним из материалов, подготовленных им при жизни к печати, стал очерк «Послание к Евреям и историческое предание о нем». Он увидел свет на страницах ежегодника Софийского университета уже после смерти ученого. По сути своей этот очерк является итогом многолетней работы по историческому комментированию текста Послания к Евреям, начатой еще в России, и вместе с публикациями, посвященными экзегезе отдельных мест послания, сделанными Н. Н. Глубоковским уже в эмиграции, до

⁵¹ Н. Н. Глубоковский. Из ненапечатанного архива: автобиографические воспоминания... – С. 178.

⁵² ОР РГБ. Ф. 119. Картон 15. Ед. хр. 204.

⁵³ *Больши сея не имам радости, да слышу моя чада во истине ходяща* (3 Ин. 4).

⁵⁴ Эти воспоминания были опубликованы при жизни Н. Н. Глубоковского в переводах на шведский и румынский языки – см. «Библиография прижизненных публикаций Н. Н. Глубоковского, увидевших свет во время его эмиграции (1921–1937)» в составе настоящего издания. По рукописи Софийского архива нами подготовлена публикация их изначального русского текста.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. № 276. Л. 2-3.

⁵⁶ *Сремски Карловци, 1936.*

⁵⁷ Н. Н. Глубоковский. Из ненапечатанного архива: автобиографические воспоминания... – С. 196.

⁵⁸ Арсеньев Н. С. Лозанская конференция // Путь. – 1928. – №10 (апрель). – С. 105.

Рабочий стол Н. Н. Глубоковского. Снимок сделан после кончины ученого.

⁵⁹ О нем см.: Казем-Бек А. Л. Кончина Андрея Николаевича Игнатъева // Журнал Московской Патриархии. – 1973. – № 12. – С. 24–26.

⁶⁰ Игнатъев А. Н. Памяти проф. Н. Н. Глубоковского... – С. 71.

⁶¹ Впоследствии архимандрит, бывший настоятелем подворья Болгарской Православной Церкви в Москве, а с 1957 г. – настоятелем подворья Русской Православной Церкви в Софии.

⁶² Стефан, митрополит Софийский. † Профессор Д-ръ Н. Н. Глубоковски. (Стенографирана реч при отелото на покойния) // Църковен вестник. – София, 26 марта 1937. – Брой 13. – С. 145–149. То же в русском переводе: Профессор доктор Н. Н. Глубоковский / Надгробное слово, сказанное Митрополитом Софийским Стефаном, при отпевании профессора Н. Н. Глубоковского в Софийском Кафедр. Соборе 21 марта 1937 года // Церковный вестник Западно-европейской епархии. Le Messager de l'Église Russe à l'étranger. – Paris, 1937. – № 6–7. – P. 10–14.

⁶³ 35-летие ученой деятельности профессора Николая Никаноровича Глубоковского. – София: Типография газеты «Русь», 1925. – С. 52–53.

⁶⁴ «О послании к Евреям..., Русское богословие..., Школа и просвещение в России при социалистах..., Академические обеты и заветы..., О Русской Церкви после революции и др.» – См.: Чекан Александр, свящ. Профессор Н. Н. Глубоковский // Церковный вестник Западно-европейской епархии. Le Messager de l'Église Russe à l'étranger. – Paris, 1937. – № 3–4. – P. 13.

⁶⁵ «Наместник председателя Св. Синода Болгарской церкви митрополит Видинский Неофит, митрополит Охридский Борис, митрополит Старо-Загорский Павел, Патриарх Сербский Варнава, архиепископ Афинский Хризостом, ректор Афинского университета проф. Панамихаил, секретарь Патриаршего Константинопольского Синода Антониадис» – См.: Цанков Стефан, протопресвитер. † Профессор Н. Н. Глубоковски. Единъ големъ руски ученъ // Църковен вестник. – София, 26 марта 1937. – Брой 13. – С. 149.

⁶⁶ Игнатъев А. Н. Памяти Н. Н. Глубоковского... – С. 72.

сих пор остается *последним словом* в отечественной библеистике.

Время брало свое – старость, усугубленная множеством обострившихся недугов, преследовавших Н. Н. Глубоковского на протяжении многих лет, сокращала силы ученого, приближая час кончины.

По свидетельству А. Н. Игнатъева⁵⁹, автора первой из появившихся в России после смерти Н. Н. Глубоковского статьи о нем, за 2 дня до кончины Николай Никанорович исповедался и причастился Святых Христовых Таин⁶⁰. Эту последнюю исповедь на 1-й седмице Великого Поста принял иеромонах Мефодий (Жерев)⁶¹. Умер Н. Н. Глубоковский 18 марта 1937 г. в ночь с четверга на пятницу в госпитале Русского Красного Креста в пригороде Софии. Гроб с телом почившего был установлен для прощания в русском храме святителя Николая. Отпевание было совершено в 2 часа пополудни 21 марта в храме Святой Недели рядом с Богословским факультетом Софийского университета. Чин отпевания, в сослужении клириков Болгарской церкви совершил митрополит Софийский Стефан († 1957)⁶², положивший на тело покойного горсть русской земли, взятой усопшим при прощании с Родиной в 1921 г. на Никольском кладбище Александро-Невской Лавры. Знаменательно, что день погребения был 1-м воскресением Великого поста, когда празднуется Торжество Православия. Погребен Н. Н. Глубоковский на русском участке городского кладбища в Софии.

За 12 лет до смерти, в день своего чествования в Софии 14 июня 1925 г. Н. Н. Глубоковский, отвечая на многочис-

ленные приветствия друзей и коллег, произнес со свойственными ему мудростью и смирением слова, которые кажутся нам лучшим выражением жизненной позиции великого православного ученого и настоящего христианина: «Я вовсе не святой ни в каком смысле, а самый последний из грешников... Если что-нибудь и сделано по связи с моим именем, то не мною, но лишь через меня и только по благодати Божией и при помощи добрых людей, без чего я – по условиям моего горького детства – был бы ныне просто деревенским пастухом, хотя и в этом случае никогда не сделался бы современным «пролетарием», бунтующим против всего мира, вместо себя самого...»⁶³.

После кончины Н. Н. Глубоковского ряд болгарских и русских зарубежных изданий опубликовал заметки о почившем. Почти в каждой из этих публикаций говорилось о наследии Николая Никаноровича, давался перечень его неизданных из-за отсутствия средств работ⁶⁴, исчислялись отдельные сочинения и статьи, упоминались бывшие студенты по Санкт-Петербургской духовной академии⁶⁵. Личная библиотека Н. Н. Глубоковского (около 2 тысяч томов) была передана вдовой покойного Св. Синоду Болгарской Церкви. Во время бомбежки Софии в конце Второй мировой войны эти книги были уничтожены пожаром⁶⁶. По всей видимости сам архив Н. Н. Глубоковского уже в послевоенные годы существовал в виде нескольких собраний, разрозненно хранившихся в частных руках.

Судьба части архива Н. Н. Глубоковского связана с семьей Посновых. Ранее отмечалось⁶⁷, что исключительный инте-

Н. Н. Глубоковский на смертном одре.

Погребальная процессия из русского храма св. Николая в храм св. Недели в центре Софии.

рес представляют не увидевшие свет большие по объему работы Н. Н. Глубоковского, подготовленные им к печати в эмиграции. Стоит упомянуть лишь «Евангелие христианской святости. Толкование на послание к Евреям» (2603 рукописных страницы), «Христос Искупитель. Церковь Христова и искупленный человек. По посланиям св. апостола Павла» (320 рукописных страниц), «Пастырско-искупительное служение Христа Спасителя и пастырские послания» (174 рукописных страницы), относящиеся к области новозаветной экзегетики, а также «Объяснительный библейский словарь» (2536 рукописных страниц). Известно, что перечисленные выше рукописи в 1949 г. находились в Софии в распоряжении «душеприказчика» Н. Н. Глубоковского Ивана Кондратьевича Пучкова.

О наличии этих работ Н. Н. Глубоковского и об опасности их «ухода» из поля зрения священноначалия сообщал в своем письме от 12 мая 1949 г. в Московскую Патриархию настоятель Болгарского подворья в Москве архимандрит Мефодий (Жерев): «...Нужно сказать, И. К. Пучков человек уже старый и нездоровый, а по его завещанию насл. – Ирина Михайловна Поснова, дочь М. Э. Поснова, которая после смерти отца перешла к католикам и сейчас нах. на службе учительницей ордена Souer Blanches Missionnaires (Harent, Belgique). Она настаивает получить эти рукописи сейчас же»⁶⁸.

По сообщению Г. Л. Андреева болгарский проф. Борис Маринов 21 июля 1960 г. писал И. М. Посновой (1914–1997), возглавлявшей католическое издательство «Жизнь с Богом», о том, что она имеет все права – как моральные, так и юридические – на из-

дание ряда работ Н. Н. Глубоковского, в соответствии с волей его «душеприказчика» И. К. Пучкова. Супруга М. Э. Поснова Елена Григорьевна (1888–1966) незадолго до смерти⁶⁹ передала часть рукописного наследия Н. Н. Глубоковского митрополиту Николаю (Еремину, 1892–1984), бывшему в то время экзархом Патриарха Московского в Западной Европе. Можно предположить, что митрополит Николай, не видя возможности издания этих рукописей силами Московского Патриархата и одновременно желая содействовать их выходу в свет, передал их в США, где они оказались в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле (Русская Православная Церковь Заграницей). В 1966 г. одна из них – «Благовестие христианской славы в Апокалипсисе св. Апостола Иоанна Богослова: Сжатый

⁶⁷ Даниленко Борис, *прот. Русские богословы и церковные историки в европейской эмиграции XX века // Церковно-исторический вестник. – 1999. – № 4–5. – С. 230.*

⁶⁸ Это письмо хранится в архивной части библиотеки Московской духовной академии.

⁶⁹ По всей видимости в 1962 или 1963 г.

обзор» – была издана там в типографии преподобного Иова Почаевского с предисловием архиепископа Аверкия (Таушева, 1906–1976), ректора Свято-Троицкой семинарии⁷⁰. По свидетельству автора предисловия предполагалось там же осуществить издание другого труда Н. Н. Глубоковского – «Библейского энциклопедического словаря»⁷¹, хранившегося тогда в семинарском архиве.

По прошествии многих лет со дня смерти Н. Н. Глубоковского значительная часть его научного архива, сохраненная болгарским священником Христо Пудиным, возвращена в Россию. Московской духовной академией, чей воспитанник прославил русскую богословскую и церковно-историческую школу далеко за пределами родины, предстоит не только хранить это сокровище, но и делать все для скорейшего введения в научный оборот архивных документов, имеющих первостепенную ценность. Первые шаги в этом направлении уже сделаны. Иеромонахом Петром (Еремеевым) на страницах издания Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата «Церковь и время» опубликована предварительная опись Софийского архива Н. Н. Глубоковского⁷² и часть его автобиографических воспоминаний⁷³.

В рамках настоящего издания из материалов Софийского архива Н. Н. Глубоковского нами публикуются тексты вводных лекций, которые в рамках курса Нового Завета читались им студентам Санкт-Петербургской (Петроградской) духовной академии с 1892 по 1918 учебный год. Их общее заглавие «Академические обеты и заветы».

В первые месяцы после своего бегства из Советской России Н. Н. Глубоковский, живя в Финляндии, получил возможность привести в порядок взятые им из Петрограда архивные материалы, подводя тем самым итог своей научно-педагогической работы на родине. Дневник академических занятий, включавший упомянутые лекции, был им тогда тщательно переписан.

Рукопись, содержащая 256 пронумерованных листов, представляет блок из 8 тетрадей. Основной текст (чернила) расположен на оборотной стороне пронумерованных листов за исключением – титульной части, содержащей общее заглавие, посвящение и эпиграф. Карандашные примечания и пометы автора даны напротив относящихся к ним мест основного текста на лицевой стороне листов. На предпоследнем листе рукописи (л. 255) содержится авторское примечание относительно времени ее написания: «Страницы 45–257 переписаны в имении Глеба Александровича и Анны Григорьевны Колобовых в Käritilä

в 9 километрах от Выборга за время с 1922, III, 6 (19) – Пасхальной среды по 1922, IV, 22 (V, 5) – пятницу Недели жемчужницы». Первая тетрадь (л. 1–44) содержит вводный текст, включающий описание лекций Н. Н. Глубоковского, выдержки из вводных лекций 1892–1894 учебного годов и ряд заметок о прохождении им службы в стенах Санкт-Петербургской духовной академии. Этот текст публикуется нами с некоторыми сокращениями. Остальные 5 тетрадей содержат текст 22 вводных лекций, каждая из которых имеет отдельное заглавие. Их текст публикуется полностью.

Кроме того, нами публикуются материалы Софийского архива Н. Н. Глубоковского под общим заглавием «Из автобиографических заметок». Они представляют выдержки из разных по времени рукописных и машинописных текстов, работа над которыми велась им с начала XX века до самых последних дней его земного пути. По замыслу ученого результатом этой работы должен был стать большой по объему автобиографический труд. Эти материалы проиллюстрированы нами фотографиями из Софийского архива Н. Н. Глубоковского, причем в издании представлена лишь половина из них.

Завершается публикация обращением 19-летнего Николая Глубоковского «К выпускникам, учащимся и наставникам Вологодской духовной семинарии по поводу ее окончания в 1884 г.» Этот текст воспроизводится нами по рукописи Н. Н. Глубоковского, относящейся к 1934 г., и сделанной им в качестве дополнения к своим автобиографическим материалам.

Ряд фрагментов публикуемых нами рукописей имеют повреждения – отдельные слова или целые фразы затерты. Можно догадаться, сообразуясь со смысловым контекстом этих своеобразных купюр, что сделаны они лицами, хранившими рукописи Н. Н. Глубоковского во 2-й половине XX века и боявшимися быть признанными невольными в условиях социалистической Болгарии.

Текст рукописей публикуется в соответствии с современными правилами правописания и пунктуации русского языка с учетом особенностей авторского стиля Н. Н. Глубоковского.

Ввергая в текст своих рукописей библейские цитаты, Н. Н. Глубоковский часто давал свой вариант их русского и церковнославянского перевода, делая это особенно в тех случаях, когда общепринятый текст представлялся ему недостаточно ясным. При публикации эти особенности цитирования текстов Священного Писания нами сохранены. Номера глав и стихов Библии приводятся в соответствии с современной традицией арабскими цифрами. Названия библейских книг даются

⁷⁰ Будущий владыка Аверкий, закончивший Богословский факультет в Софии в 1930 г., обучался у Н. Н. Глубоковского.

⁷¹ Очевидно речь идет о вышеупомянутом труде Н. Н. Глубоковского. Сейчас совместными усилиями Издательского отдела Троице-Сергиевой Лавры (Сергиев Посад) и Свято-Троицкой семинарии (Jordanville, N. Y., USA) ведется подготовка к печати *Библейского словаря* Н. Н. Глубоковского.

⁷² *Петр (Еремеев), иеромонах. Софийский архив Н. Н. Глубоковского...* – С. 142–156.

⁷³ *Н. Н. Глубоковский. Из ненапечатанного архива: автобиографические воспоминания...* – С. 157–202.

по-русски в принятых ныне сокращениях. Славянский и русский библейский текст, а также большая часть церковнославянизмов выделены курсивом.

Примечания, содержащиеся в публикуемых рукописях, приводятся в подстрочнике без дополнительного указания на их авторство. Примечания, сделанные составителями и редакторами настоящего издания также даются в подстрочнике с пометой – *Прим. ред.*

Поврежденные (выскобленные, затертые) или неподдающиеся прочтению по причине неразборчивости почерка фрагменты рукописи отмечены в публикации «угловыми» скобками с отточием <...>. Если число неподдающихся прочтению слов удалось установить, то оно указывается внутри «угловых» скобок. Части текста рукописи, опущенные при наборе по редакционным соображениям, отмечены «квадратными» скобками с отточием [...]. Отдельные слова, набранные в соответствии с текстом рукописи, правильность написа-

ния которых может вызвать у читателя сомнения, отмечены восклицательным знаком в «квадратных» скобках [!]. Отдельные слова или их части, отсутствующие в рукописи и вставленные в текст по редакционным соображениям, даются в «квадратных» скобках [].

Слова, сокращенные автором, при наборе текста рукописи приводятся полностью, за исключением ряда унифицированных нами авторских сокращений.

Составители и редакторы этого издания не ставили своей целью подробное комментирование публикуемых работ Н. Н. Глубоковского, оставляя решение этой задачи для дальнейшей научной публикации материалов Софийского архива ученого. Пусть же сам корифей русской богословско-академической науки посредством этого издания *устами к устам* говорит с теми, кто принадлежит к новому поколению неоскудеваемого братства учащих и учащихся наших *Святых Академий*.

